

Романы для девочек

Вера и Марина ВОРОБЕЙ

Будь собой!

«РОСМЭН»

Романы для девочек

Вера и Марина Воробей

Будь собой

«РОСМЭН»

Воробей В.

Будь собой / В. Воробей — «Росмэн», — (Романы для девочек)

Ира Дмитриева очень сдружилась с Егором Тарасовым, помогая ему справиться с серьезными травмами после аварии. Но родители Егора отправили сына в санаторий, а Ира познакомилась на этюдах с необыкновенным, как ей показалось, молодым человеком по имени Артем. Он был из семьи эмигрантов и произвел очень сильное впечатление на Иру своей индивидуальностью и некоторой старомодностью.

© Воробей В.

© Росмэн

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	12
5	14
6	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Вера и Марина Воробей

Будь собой!

1

Часа через полтора Ира поняла, что день для выхода на этюды она выбрала, мягко говоря, не самый подходящий. С утра весеннее солнышко еще умудрялось пробиваться сквозь клубящиеся тучи, но к полудню эти попытки оставило. Мало того, откуда ни возьмись налетел холодный промозглый ветер с дождем. Словом, радужные перспективы, нарисованные бодрыми синоптиками, отодвинулись на неопределенное время.

Правда, девушка одевалась, руководствуясь не прогнозом, а почерпнутой от папы народной мудростью: пришел марток – надевай трое порток. Маму от этих слов всегда коробило, но Ире они нравились. Особенно сейчас. Толстый свитер грубой вязки, утепленные джинсы, ботинки на меху и куртка, конечно, спасали от замерзания. Но все же в такой день Ира предпочла бы сидеть дома, попивать горячий чай, рисовать натюрморты да изредка болтать по телефону.

Однако вместо всех этих удовольствий она примостилась с этюдником под аркой старого дома. Вид оттуда открывался роскошный: узкая улочка, отороченная уютными особнячками позапрошлого века, круто уходила вниз, к набережной Яузы. Этот живописный старомосковский уголок ей когда-то посоветовал написать Илья. Ира вспомнила историю их отношений и усмехнулась. Сейчас, когда все прошло, она чувствовала к нему искреннюю симпатию и благодарность. Но тогда...

Незаметно от Ильи мысли девушки обратились к Егору Тарасову. Утром папа извлек из почтового ящика его очередное послание. «Сейчас Егор далеко. – Ира вздохнула. – В теплом Коктебеле». Она невольно поежилась. После травмы родители отправили его к морю, в санаторий. Писал он часто – раз, а иногда и два раза в неделю. Поначалу от него приходили краткие, нервные записки, где в каждом слове чувствовалось недовольство всем миром и собой лично. Но постепенно тон писем изменился. Раз от раза послания становились длиннее и спокойнее. Егор рассказывал о жизни у моря, об одиноких прогулках вдоль берега или в горы. Кажется, он там все время один, ни с кем не общается и, видимо, не жаждет общества. Ира, конечно, отвечала – иначе ведь нельзя, – но всякий раз с великим трудом. Над каждым письмом она долго маялась, выдавливая из себя новости. Выходило скучно и коряво, так что в ответ на добрую пару листов от Егора девушка с трудом выжимала страничку. «Ну пусть хоть ему там будет тепло и солнечно». Ира снова взялась за кисть.

Как и говорил Илья, в субботний день полная офисов улица оказалась безлюдной. Лишь изредка проползали пустые троллейбусы да откуда-то выкатывались одинокие легковушки. Первое обстоятельство очень радовало девушку. Будь улица полна народу, работать бы точно помешали. Завидев человека с этюдником, каждый второй прохожий вечно норовит сунуть нос в рисунок да еще и прокомментировать. В прошлые выходные Ира была вынуждена ни с чем уйти из зоопарка. Толпы детей с родителями сновали вокруг, орали и бурно обсуждали ее пейзаж. Девушку и всегда-то выбивало из колеи неумеренное внимание к ее скромной персоне, но в зоопарке оно просто зашкаливало. Иное дело тут: тихо, никого нет. Одна беда – пальцы почти перестали гнуться и уже побаливали от холода. Несколько раз Ира отогревала руки под одеждой, но помогало это ненадолго.

Между тем почти напротив «ее» арки уютно горели окошки магазинчика с непривычной вывеской: «Книги русского зарубежья». Туда постоянно заходили люди, и там наверняка было

тепло. «Ладно, – решила девушка, – чуть-чуть погреюсь, а потом опять за работу». Она сложила этюдник, забросила его на плечо и решительно направилась к магазинчику.

– Проходите, милочка, проходите, – проворковала седая старушенция, открывая дверь. – Что ж это вы?.. Константин Юрьевич уже начал.

Ира предпочла не объяснять, что оказалась здесь случайно, и молча вошла. Сейчас ей хотелось только согреться, а потом пусть выгоняют.

– Россия, ее жизнь, ее совесть, ее история...

Девушка удивленно подняла глаза. В глубине зала говорил крепкий старик, а десятка три посетителей разного возраста его внимательно слушали. «Последний из могикан, – неожиданно мелькнуло в голове. – Он похож на последнего из могикан!» С какой стати ей вдруг вспомнился герой Фенимора Купера?

– ...Все это так просто и одновременно так сложно, – продолжал «последний из могикан». – Долгие годы размышлял я о месте русской эмиграции...

Ира пристально вгляделась в старика. Высокий, широкоплечий, лоб с залысинами, глубокие морщины, правильный, почти римский нос и взгляд... чуть грустный, добрый, все понимающий и безмерно мудрый. Наверняка этот человек повидал на своем веку немало. Ире вдруг ужасно захотелось его нарисовать. Просто руки зачесались. Она села на корточки, достала уголь, лист бумаги и сделала набросок. Через минуту забылось все: и место, где она оказалась, и способ, которым сюда попала.

В другое время девушка обязательно бы отметила широченный, заваленный книгами прилавок и массивные стеллажи от пола до потолка вдоль стен. Сейчас же для нее существовало только это удивительное лицо, которое следовало немедленно перенести на бумагу. Все остальное отодвинулось на второй план, стало нереальным. Последний из могикан теперь рассказывал о себе. Оказалось, что еще подростком он попал за границу. В двадцатом году его родители, отступавшие вместе с белой армией, увезли сына из Крыма. Потом семья долго скиталась по городам и весям. Сперва городок со странным названием Галлиполи, потом Париж, Рим, Белград. В конце концов их занесло в Австралию.

2

Вдруг Ира почувствовала легкое прикосновение. Кто-то тронул ее плечо. Она вздрогнула, чуть не уронив этюдник, и испуганно подняла голову. Откуда ни возьмись совсем рядом очутился парень со стулом.

– Прощу вас, барышня, присядьте. – Незнакомец говорил почти беззвучно, одними губами.

Девушка энергично замотала головой. Ей показалось, что сдвинься она с места – и магия, исходившая от этого странного старика, его лица, его голоса, исчезнет. Но тут к ней обратился и сам «последний из могикан»:

– Присядьте, барышня. Вам будет гораздо удобнее.

Слушатели стали оборачиваться, и Ира поняла: лучше подчиниться. Щеки ее запылали еще сильнее. Ни на кого не глядя, она примостилась на краешке поставленного молодым человеком стула.

– Вот и прекрасно, – улыбнулся Ире старик.

От его улыбки сразу стало хорошо, тепло и совсем не страшно. Она успокоилась, уселась поудобнее и снова взялась за портрет. Время от времени до ее сознания доходили обрывки того, о чем говорил «могиканин». Из них Ира заключила, что на старости лет он решил написать книгу о своей жизни, потратил на это не то три, не то четыре года и вот теперь устраивает презентацию.

Много необычайного прозвучало в маленьком зале. Старик рассказывал и об учебе в эмигрантском кадетском корпусе, и о работе по пятнадцать часов в австралийских шахтах, куда он попал четырнадцатилетним мальчиком, и об огромной русской общине на зеленом континенте. Ира не замечала времени, работалось ей легко и хорошо. Каждый штрих ложился на место, каждый блик выходил именно таким, каким нужно. Только когда слушатели, поаплодировав, потянулись за автографами, она взглянула на циферблат. Оказывается, все это продолжалось без малого два часа.

– Куда-то спешите? – Ира с треском захлопнула папку и обернулась. Позади нее сидел тот самый парень, что принес стул. Как он там оказался – непонятно. – Я это к тому только, – он приподнял бровь, – что сейчас состоится маленький фуршет. Как я понимаю, виновнику сегодняшнего действия было бы приятно, если б вы остались. О себе я уж и не говорю.

– А вы с ним знакомы? – Ира искоса поглядела на молодого человека.

В первый момент от смущения она почти не рассмотрела его, но чем больше девушка вглядывалась в незнакомца, тем более симпатичным он ей казался. Высокий, худощавый, с темными волосами и карими глазами.

– Я знаком с ним с самого рождения. Разумеется, с моего рождения. – Парень улыбнулся и вдруг стал похож на «могиканина». – Константин Юрьевич мой горячо любимый дед. Кстати, позвольте представиться... Артем.

– Ира. – Она снова смутилась. – Я здесь случайно...

– Да, – кивнул Артем. – Я вас видел там, под аркой. Вы, кажется, писали. Очень красиво все это выглядело. Уголок старой Москвы, ненастье, и девушка рисует. Идеальная завязка для романа. Будь у меня, как у деда, способности к литературе, я бы обязательно взялся за книгу с таким вот началом. Но, увы! По натуре я не творец прекрасного, а лишь его ценитель. – Глаза Артема подернулись легкой поволокой. – Впрочем, оставим лирику. Благоволите подождать немного, и я принесу чаю.

Последние слова он произнес уже на ходу, так что Ира даже не успела отказаться. Больше всего ей сейчас хотелось потихоньку удрать из магазинчика. И зал, и публика в нем, а главное, дед с внуком представлялись ей пугающе необыкновенными. Никто из Ириных знакомых

так себя не вел, так не разговаривал. Однако попросту взять и смыться теперь уже выходило неловко. Ее приветливо встретили, были так внимательны. Наконец, когда Ира совсем решилась удрать, вернулся Артем с двумя чашками чаю и тарелкой пирожных.

– Вот и я. Позвольте представить: самый лучший, самый крепкий чай. Они там за границей ни в Европе, ни в Америке, ни в Австралии чаю заварить не умеют. В нашем семействе чай – своего рода ритуал. Им только дед занимается, никому не доверяет. Он ведь один черный признает, без молока и разных добавок. – Артем отхлебнул. – Фруктовые и травяные сорта фальшивым сбитнем именует.

Ира решила, что, уж коли влипла, нужно вести себя по возможности светски и спокойно.

– Давно в России? – Она сделала глоток.

– Первый раз я оказался здесь в шестнадцать лет и с той поры навещаю Москву каждый год.

Наконец Ира поняла, что необычного было в речи Артема. Он изъяснялся очень литературно и немного странно выговаривал слова. Кажется, ей это понравилось.

– Здорово вы по-русски говорите, совсем без акцента.

– Тут целиком заслуга моей мамы и деда. Меня отдали в русскую школу да и сами немало занимались со мной.

– Тема, ты не представишь меня? – Перед ними вырос дед Артема.

– С удовольствием. Вот, Ира, прошу любить и жаловать. Мой дед Константин Юрьевич. – Старик слегка поклонился. – А это, дедушка, моя новая знакомая Ирина. Она художник.

– Очень приятно. – Константин Юрьевич дружелюбно улыбнулся, но руку не протянул. – Мою матушку, царствие ей небесное, тоже звали Ириной. Она жила здесь, в Зачатьевском. После гимназии училась на высших архитектурных курсах для женщин.

3

Уже ложась спать, Ира сама себя спрашивала: как это она, именно она, настолько расхрабрилась, что приняла приглашение Артема и очутилась сначала в такси, а потом и в квартире совершенно незнакомых людей. Эмигрантский дом удивил ее настолько, что она и думать забыла об опрометчивости своего поступка.

Прямо напротив входа Ира увидела полочку с иконами, а под ними зажженную лампадку, на стенах пожелтевшие фотографии гимназистов и гимназисток, офицеров и купцов. Огромные связки книг на полу и почти никакой мебели. Зато аж два ноутбука, принтер, сканер и роскошная цифровуха.

– Полгода назад, – ответил Артем на ее удивленный взгляд, – дед решил перебраться в Россию. Продал бизнес в Австралии, купил здесь квартиру и поменял место жительства.

– Да, – кивнул Константин Юрьевич, – хочется умереть на родине. К тому же, здесь остались кое-какие дела. У меня ведь было два брата старших. Иван. – Он подвел Иру к большому снимку: молодой человек в очках и с бородкой читал лекцию студентам. – Пошел в Добровольческую армию и сгинул. А Дмитрий, – Константин Юрьевич указал на фото врача, оперирующего больного, – из-за тифа не сумел уехать. До тридцать первого года мы имели от него некоторые вести. – Он вздохнул. – Потом и Дмитрий исчез. Мать перед смертью просила отыскать если не самих братьев, то хоть их могилы. Так-то вот. Нынешнее правительство России любезно позволило мне работать в архивах, но пока, к сожалению, никаких следов я не нашел.

Ира опешила. Разумеется, она знала, что после революции семнадцатого года случилась Гражданская война. И раз так, то были люди, воевавшие с одной и с другой стороны. Кто-то погиб, кто-то уехал за границу. Но в ее представлении это были времена стародавние, почти сказочные. А тут нате вам, пожалуйста! Человек, для которого все эти древности не из учебника, не кадр из черно-белой хроники, а часть жизни.

Потом они втроем пили необыкновенно вкусный чай и беседовали. Ира немного освоилась и незаметно для себя рассказала о своей семье, о школе, о планах на будущее. С самого начала ее почему-то не покидало странное ощущение, будто она сдает экзамен, а сдаст или нет – неизвестно.

Чем дальше, тем сильнее она чувствовала себя Алисой в Стране чудес. Все, что она видела и слышала, казалось необычайным и новым. Первый раз в жизни девушка столкнулась с людьми, взгляды и представления которых были абсолютно не похожи на ее. По их словам выходило, будто жизнь в России за последние сто лет очень ухудшилась, а уж от Москвы вообще рожки да ножки остались. На языке у нее уже давно вертелся вопрос, и наконец она решилась его задать.

– А вот интересно, чем Россия, Москва старая отличается от новой? Ну там, конечно, электричество, водопровод, реклама...

– И то, и другое, и третье... – Артем подарил ей мягкий, почти бархатный взгляд, и девушка вновь смутилась. – Все это было, – продолжил он как ни в чем не бывало. – И немало другого было в Москве, причем уже к началу двадцатого века.

– Да не в том дело. – Константин Юрьевич невесело усмехнулся. – Если угодно, мы вместе попробуем определить разницу.

Ирины глаза блеснули – становилось все интереснее.

– Так вот, Ирочка. – Константин Юрьевич легонько хлопнул по столу морщинистой рукой. – Вы позволите так вас называть? – Девушка кивнула, и он продолжал: – Вы ведь знаете, что такое нищие? Видели их?

– Конечно. Я считаю, все они пьяницы и бездельники.

– Так-так... – Он еще раз стукнул ладонью по столу. – Таким образом, вы им ничего не даете. Верно?

– Конечно! Для них же лучше делом заняться.

– Значит, вы не подаете милостыню. – Константин Юрьевич улыбнулся. – Заботитесь об их нравственности?

Эта мысль Ире в голову не приходила, но именно так все и было.

– Да! – Ира энергично кивнула.

– Вот здесь и кроется разница. – «Могиканин» особенно подчеркнул последнее слово. – Постарайтесь меня понять. В прежние времена человек, подавая милостыню, думал прежде всего о себе, о своей душе. Он хотел сам стать нравственнее, а теперь люди пытаются сделать нравственнее других. Понимаете?

– По-моему, – протянула Ира, – это правильно: больше думать о других. А знаете, я несколько раз давала им деньги. – Она помедлила. – Ну тем, которые вроде правда бедные.

– Значит, вы, Ирочка, имеете право решать, кто из этих людей действительно несчастен, а кто нет? Можете не отвечать, но подумайте, есть ли хоть у кого-то такое право.

– Так я же вижу. – Девушка искренне недоумевала. – Да у них же все на лицах написано.

– Вы настолько хорошая физиономистка или просто уверены, что все и обо всех точно знаете?

– Ну, такого про себя никто сказать не может. – Ира немного опешила.

– Но мы можем предположить. – «Могиканин» не унимался. – Допустим, есть некто, кому все и обо всех известно. Тайное и явное, дела и помыслы.

– Вот мы и добрались до идеи Бога, – вмешался Артем. – Дед, хватит! Остановись, на сегодня достаточно! Между прочим. – Он поморщился. – Ты сам ежедневно покупаешь мешок пирогов и отдаешь его бродягам у ближайшей станции метро. Для чего им пироги? – Он брезгливо pokrивился. – Им ведь зелена вина подать надобно.

Константин Юрьевич не ответил, и Ира молчала. Все только что услышанное показалось ей таким простым и таким ясным... Но сам-то он с этим не согласен, да еще пироги какие-то. Девушке ужасно захотелось, чтобы вот прямо сейчас здесь оказался Кахобер Иванович – учитель истории и лучший в мире классный руководитель. Они с Константином Юрьевичем и Артемом, может, и не договорились бы, зато наверняка поняли бы друг друга. На время разговор сам собой прекратился, видимо и дед и внук сказали все, что хотели, и Ира почувствовала облегчение.

Потом незаметно всплыла история семьи Константина Юрьевича. Дед и внук, с удовольствием смакуя мелочи, познакомили гостью с историей своего рода, причем умудрились добраться аж до Ивана Грозного. И выходило, будто Смолянины – предки Темы и «могиканина» – умудрились везде и всюду поучаствовать. Ира тогда с грустью подумала, что не знает даже имен собственных прабабушек и прадедушек.

Вскоре Константин Юрьевич поднялся:

– Прошу извинить, хочется немного поработать. В мои годы времени остается слишком мало.

Он удалился в другую комнату, и Ира с Артемом остались вдвоем. Незаметно разговор перешел на Темины дела. Оказалось, он политолог, учится в университете в Сиднее, занимается странами Восточной Европы и Россией. Сюда приехал за материалами для работы и помочь деду обустроиться.

За окнами смеркалось, когда Ира вспомнила, что родители уже волнуются. Ушла-то она с утра, да с тех пор и пропала.

– Мне пора. – Девушка поднялась. – Большое спасибо. Мне у вас очень понравилось. – Она хотела сказать: «Вы мне очень понравились», но не осмелилась.

– Я провожу, – полуутвердительно произнес Артем.

– Нет, не надо. Я доберусь. – Ира вдруг испугалась, что поспешила отказаться и этот замечательный парень не пойдет ее провожать.

– И речи быть не может. – Артем помотал головой. – В такой час юной особе возвращаться в одиночестве не благоразумно. Одну минуту. – Он стукнул в дверь деду. – Гостя нас покидает!

Константин Юрьевич вышел.

– Вот, возьмите. – В руках его была та самая книжка, которую он представлял на презентации. – Вас, наверное, удивило и даже возмутило многое из услышанного в нашем доме, но если вы это прочтете, то, может быть, сумеете меня лучше понять.

4

Ира еще никогда не получала книгу в подарок от самого автора. Она подумала, что и ей следует что-то подарить. Но с собой у нее был лишь этюдник с почти законченным пейзажем да папка с чистой бумагой. «Стоп! – Ее осенило. – Есть же портрет. Причем вроде бы приличный». По опыту Ира знала, что людям обычно нравится получать свои портреты. Она вынула рисунок и протянула Константину Юрьевичу.

– Это вам. Не очень хорошо вышло, но...

– Благодарю. Немного необычно. – Он подмигнул внуку. – Я тебя прекрасно понимаю, Темочка. – И снова посмотрел на Иру. – Еще раз спасибо. Буду рад видеть вас у себя. Не забывайте старика.

Ира немного опешила. Все нормальные люди при взгляде на портрет норовят порассуждать, похоже или нет, такие ли нос, лоб, глаза. А «могиканин» ничего подобного не сказал, да и Тема тоже. Девушка не поняла, понравился старику рисунок или нет, а спросить не решилась.

Наконец они вышли из дому, и Ира почти обрадовалась. Остатки ее смущения и неловкости развеялись за дорогу. Тема усердно развлекал ее рассказами о своих школьных и университетских проделках. Запомнила девушка немного, да это было и неважно, истории были отличные, одна смешнее другой. Потом, уже у подъезда, Ира дала ему свой номер телефона. Мало того, на завтра они уговорились встретиться. Тема столь комично просил показать Москву глупому заезжему антиподу, что девушка, разумеется, согласилась, лишь поинтересовавшись, что значит «антипод».

– Тот, кто живет на другой стороне земли, буквально: обращенный ногами против ног, – охотно объяснил Артем.

Ире стало смешно. Ей представился глобус и два стоящих на нем человечка. Пятки одного утыкались в северный полюс, пятки другого – в южный. В этот момент Артем взял Ирину руку и галантно поцеловал. Все!..

Ира совершенно не помнила, как попала домой. В голове у нее был полнейший сумбур. Артем... Высокий, черноглазый... Его умное и тонкое лицо стояло перед глазами. Его голос звучал в ушах мягко и ласково. Девушке хотелось немедленно начать читать книги по истории, учить иностранные языки, ходить в музеи и театры. И одновременно ее буквально распирало от желания сейчас же пуститься в пляс или запеть. Ирой владели и жгучий стыд за собственное невежество, и безудержная радость от полноты жизни. За ужином девушка несколько раз зачерпывала вилкой воздух над тарелкой, а когда отец попросил у дочери чайку, она задумчиво вылила заварку в сахарницу.

– Занятия искусством пагубно действуют на неокрепшие умы, – прокомментировал Григорий Ильич и выразительно посмотрел на маму.

– Верно, – согласилась та. – Помню, я в этом возрасте сочиняла поэму. Так что вы думаете? Прихожу раз с родителями в гости. Сели за стол. И тут меня посетило вдохновение. Пока взрослые беседовали, я все салфетки исчеркала.

Папа весело расхохотался, а Ира лишь посмотрела на Галину Сергеевну невидящими глазами. Родительский смех оборвался. А через минуту девушка механически встала из-за стола и молча удалилась в ванную.

– Между прочим, в ее возрасте в таком виде все нормальные девочки возвращаются с первого свидания. – Папа потянулся. – Хотя что художники, что влюбленные – одна ерунда.

– Меня другое волнует. – Мама загрохотала посудой. – Как она в этом состоянии под машину не попала!

Но Ира всего этого не слышала. Из ванной она отправилась к себе, потушила свет, легла в постель и закрыла глаза. Сон упрямо не желал являться. Ира лежала в темноте, и перед

ней заново прокручивался весь сегодняшний день. Этюды, презентация, Константин Юрьевич, старые фотографии и, конечно, Артем. Он был везде и всюду... Его глаза, его улыбка... Но странно... мысль, что она вдруг влюбилась, даже в голову ей не приходила. Артем представлялся ей человеком, который все знает, все понимает, которого только слушать уже великое счастье. И вдруг подумалось: «Хорошо, что мы еще не перешли на „ты“. Это просто здорово!»

С огромным ворохом впечатлений нужно было срочно что-то делать. Не то что спать — просто лежать с ним было невозможно. Ире требовалось поделиться переполнявшими ее чувствами. Она поднялась и села писать письмо Егору. Правда, вышел вовсе не рассказ о новом знакомстве. Ира инстинктивно чувствовала, что, напиши она об Артеме, Егор все неправильно поймет. Нет, она писала совсем о другом. О том, насколько мир прекрасен и полон замечательных людей, о том, что впереди целая жизнь, в которой предстоит многое понять и о многом передумать, о том, как все это здорово! Через некоторое время дверь в комнату бесшумно приоткрыла мама, но тревожить дочь не стала.

Только исписав четыре страницы, Ира наконец улеглась и быстро уснула. Ей приснился Артем, хотя, может быть, и не Артем, а Константин Юрьевич. Только молодой. Он странствовал по свету, добывал уголь в шахте, издавал русскоязычную газету, до хрипоты спорил о судьбах России. И везде и всюду она была с ним рядом. Помогала, поддерживала, утешала.

Потом вдруг очутилась в Третьяковке. Был вечер, галерею закрывали, и суровые служительницы гнали позднюю посетительницу прочь. Но уйти было нельзя, обязательно следовало отыскать Артема и что-то ему сказать. В отчаянии остановилась она в зале с картинами Врубеля и вдруг увидела его. На таком знакомом полотне чудом оказался живой Артем. Он занял место Демона и теперь тоскливо глядел вдаль. Ира ужасно обрадовалась, стала его звать, но Артем с картины ничего не слышал и не видел.

Ира проснулась в слезах. Папа гладил ее по голове и говорил какие-то ласковые слова. К счастью, это был только сон. Ира успокоилась и снова уснула. На сей раз без сновидений. К утру подушка высохла, а сама она ничего не вспомнила.

5

Утром Ириным родителям пришлось несладко. Ни с того ни с сего вырубился холодильник. Еще нестарый двухкамерный гигант «Стинол» протянул ровно день сверх гарантийного срока и перестал работать. Причем, как назло, сразу же после закупки продовольствия! Только вчера родители совершили шопинг, и теперь обе камеры были забиты битком. Папиных познаний в холодильникостроении хватило лишь на то, чтобы несколько раз похлопать дверцами да обозвать бесполезный шкаф разными нелицеприятными именами. Мамин практический ум требовал более осмысленных действий. Пока Григорий Ильич перетаскивал продукты на балкон, она нашла в газете объявление о мастерской, работавшей и по воскресеньям.

Когда родители сообщили Ире о постигшем холодильник несчастье, она только рукой махнула:

– Мне бы ваши проблемы! Вот явится ремонтный дядька и все починит.

Родители, переглянувшись, хором прыснули. Но Ира уже не слышала. Зазвонил телефон, и она сорвалась с места в поисках трубки. Девушка носилась по прихожей, пытаясь по звуку определить местоположение аппарата.

– Только бы он не подумал, что никого нет дома, – стучала в висках кровь. – Только бы не подумал...

Наконец злосчастная трубка нашлась на журнальном столике под ворохом газет.

– Аллю, – прошептала она, голос плохо слушался.

– Мастера вызывали? – поинтересовалась женщина на другом конце провода.

– Вызывали. – Ирино лихорадочное возбуждение сменилось апатией.

– Подтверждение заказа. Мастер будет через полтора часа. Всего хорошего.

Ира немного помедлила и повторила:

– Подтверждение заказа. Мастер будет через полтора часа. – Потом со вздохом добавила: – Родители, меня не кантовать. Я иду уроки делать.

Девушка удалилась к себе и закрыла дверь. Некоторое время она постояла на месте, потом достала из стола несколько толстых тетрадей, учебники, свалила все это на письменный стол и невидящими глазами уставилась на бумажно-картонную кучу. Тут снова зазвонил телефон. Через секунду Ира стояла в прихожей.

– Доброе утро! – Это была Аня Малышева.

– Привет, – ответила Ира, стараясь не выдать своего разочарования.

Лучшую подругу Аню она, конечно, всегда была рада слышать. Только вот сейчас позвонить следовало бы кому-то другому.

– Как порисовала?

– Хорошо, только холодно и мокро. – Ира вспомнила, как съездила вчера на этюды. – Зато будет что показать в четверг.

– Как в четверг?... – Аня, кажется, расстроилась. – А я думала, ты с нами поедешь. Прикинь, вчера мы с Волковым были в пещерах.

– Где? – не поняла Ира.

– В пещерах, под Дмитриевым. Он с утра позвонил и сказал: «Собирайся, будет прикольно».

– Ну и как? – несмотря ни на что, Ира немного заинтересовалась.

– Да не то слово! – Аня почти кричала. – Класс! Там такие места! Такие ребята хорошие! Нас в первый раз только ненадолго пустили, а потом можно будет много лазить. Я в четверг хотела и тебя взять. Там такие ребята есть! Тебе кто-нибудь обязательно понравится...

– Не думаю. – Ира представила себе Темино лицо. – Нет, не понравится.

– Ты с кем-то... – Малышева замолчала. – Ну... В общем... Ты не хочешь, чтобы я к тебе пришла или ты ко мне? Только сейчас, а то потом гусятник. Ну, разбор полетов у спелеологов так называется.

– Понимаешь... – Ира закусила губу. – Я пока сама ничего не знаю, боюсь спугнуть фишку.

– Тогда я тебя целую, – вздохнула Аня.

– Спасибо, что ты есть, – почему-то у Иры защипало глаза.

– На здоровье! – Аня дала отбой.

Подруги ни о чем не говорили. Но сейчас это и не было нужно. Аня сделала главное: направила мысли в нужное русло. И вот теперь Ира пыталась понять, кто же для нее Артем. Конечно, он гораздо умнее, образованнее. Он старше, и он очень красивый. Но Ире всегда нравились люди, которыми можно восхищаться. Вот Кахобер Иванович или Илья... Стоп! Что такое? Сама того не замечая, Ира раскрыла первую попавшуюся тетрадь и, размышляя, делала набросок. Сомнений быть не могло, на бумаге получался Артем.

«Вот и хорошо», – думала она, делая очередной штрих. Ей всегда было легче понять человека, если она его рисовала. Далеко не все можно выразить словами, а карандашом почти все.

Через четверть часа портрет был готов. Ира отодвинула рисунок на расстояние вытянутой руки.

– Не вышло! – вслух сказала она. Нет, конечно, получилось очень похоже, но не удалось передать главное: чудесный, теплый взгляд его темных глаз. Артем глядел с портрета на Иру холодно и отстраненно. – Зато я успокоилась. – Ира снова говорила вслух. – Плюс? Плюс! Займемся делом. Завтра-то понедельник! – Тем не менее неприятный осадок все же остался. – Ну-ка, еще одна попытка.

Потратив немного времени, она попробовала нарисовать «могиканина».

– Вышло! Причем даже лучше, чем вчера. Почему один похож, а другой нет? – Этого она понять не могла, и червячок сомнений зашевелился где-то глубоко-глубоко внутри. Указательный палец сам собой потянулся к волосам, и, не замечая того, девушка уже накручивала на него локон. – Не понимаю...

Ира задумчиво выдрала оба портрета из тетради. Оказывается, рисовала она в тетрадке по физике. Конечно, Кошка не знает ни Артема, ни его деда, но лучше не светиться. С некоторых пор Ира зорко следила за своими рисунками. Однажды она уже вляпалась с ними, когда рисовала чуть ли не одного только Кахобера и держала свои работы в слишком доступных для чужих носов местах. Девушка убрала листочки в стол. В третий раз затрещал телефон. Ира дернулась, но усилием воли не пошла. Наверняка звонили не ей. Она раскрыла учебник и попыталась сосредоточиться на алгебре, но задача была прочитана лишь до половины, когда в дверь постучали.

– Да, – Ира оторвалась от книги.

Папа приоткрыл дверь:

– Дочь, тебя к аппарату. Любимая Кошка жаждет общения с тобой.

– Спасибо. – Ира поморщилась. От разговора с физичкой ничего хорошего ждать не приходилось. Хотя, может, папа и пошутил, подобные приколы в его стиле. – Алло. – Она взяла трубку.

– Здравствуй, не разбудил?

Сомнений не оставалось: Артем. Папа, разумеется, наколол. А Тема даже не назвался, наверное, совершенно уверен, что будет узнан.

– Нет, не разбудил. – Ира беззаботно засмеялась.

– Надеюсь, наша договоренность остается в силе?

– Конечно. – Предвкушение новой встречи почти растворило неприятный осадок.

– Тогда, если не возражаешь... – он сделал паузу, – через два часа у Федор Михалыча.

– Через два часа поняла, а у Федор Михалыча – нет.

– У Румянцевки памятник Достоевскому.

Ире стало стыдно:

– А Румянцевка... Это где?

Она обмерла, понимая, что опять села в лужу, но Артем и ухом не повел.

– Бывшая Румянцевская, потом библиотека Ленина, а теперь нечто уж совсем маловнятное: РГБ. Метро «Боровицкая», «Александровский сад» или та же «Библиотека имени Ленина». Только уговор: больше, чем на полчаса, не опаздывать. – Он положил трубку.

Ира даже не поглядела на учебники и тетради. Ей предстояло нечто более важное: собраться на свидание. Но тут снова как из-под земли вырос папа.

– Дочь, удели мне две минуты. – Ира почуяла недоброе. – Понимаешь, какая штука... В жизни есть много такого, чем заниматься совсем не хочется, но надо. Причем надо потому, что надо. Так и у меня, и у мамы, и у тебя должно быть.

– Я сделаю уроки. – Ира подбежала к отцу и повисла у него на шее.

– Одного раза мало.

Григорий Ильич выбрал момент безошибочно. Сейчас, в данную минуту, Ира готова была бы пообещать почти что угодно. Потом можно ломать руки сколько влезет, но слово-то уже дано, значит, вариантов нет.

– Идет. – Девушка счастливо улыбнулась. – Отличницей стать не обещаю, но уроки делать буду каждый день.

– Все? – Григорий Ильич не оставил ни одной лазейки.

– Все!!!

– Вот и ладненько. – Папа похлопал ее по спине. – Вороненок ворону глаз не выклюет. Хорошо тебе погулять, а замерзните – заходите.

Несколько секунд Ира размышляла о том, откуда родители всегда и все знают, но время поджимало, и она занялась гардеробом. Может, разодеться в пух и прах, взвиться на каблуки, сделать макияж поярче. Вот Света Красовская или Туся Крылова это умеют. Только мама говорит, что самая красивая одежда та, в которой ты себя лучше всего чувствуешь. Некоторое время Ира разрывалась между этими установками и совсем выбилась из сил.

«Ладно», – решила она и зажмурилась. Ткнула наугад – попалась короткая юбка и вельветовые брюки-клеш. Совместить эти предметы не представлялось возможным. Со второй попытки Ире достался новенький зеленый джемпер. Через пять минут она была готова полностью, оставалось лишь обуться да надеть теплый пуховик, так что времени у нее имелось больше чем нужно. Ира ругала себя за такие быстрые сборы. Та же Красовская потратила бы на подготовку к первому свиданию не менее двух часов, а у нее самой, как ни старайся, больше получаса ни разу не выходило. Она еще раз внимательно посмотрела на себя в зеркало. Вроде бы все в норме. Делать было нечего.

«Может, уроки?» – робко предложил внутренний голос. «Нет, – осекла его Ира, – потом».

Она подошла к окну. На подоконнике лежала книга Константина Юрьевича. Ира покрютила подарок в руках и уселась на диван. Книжка сама открылась на главе «Мамина судьба». «Почитаем». – Она стала накручивать волосы на палец.

Оказывается, мать Константина Юрьевича знала семь языков, играла на фортепьяно, участвовала в проектировании первого метрополитена, мало того, ее проекты даже побеждали на нескольких конкурсах, но потом были забыты. Ира снова погружалась в такой незнакомый и такой удивительный мир и опять чувствовала себя Алисой. Очнулась она, лишь добравшись до следующей главы.

«Ура! Опаздываю! – мысленно воскликнула она, глядя на часы. – Первый раз жизни опаздываю на свидание». До сих пор ей никогда не удавалось прийти на встречу с молодым

человеком хотя бы вовремя. Как Ира ни старалась, вечно выходило одно и то же: она являлась в лучшем случае одновременно с молодым человеком, а в худшем сама его ждала.

6

Ира опоздала всего минут на пятнадцать. Ноги несли ее быстрее чем хотелось. Всю дорогу она гадала на стойках перил, на пуговицах, на проезжавших мимо машинах, подарит Артем ей цветы или нет. И всякий раз выходило разное. И вот он стоит у Федор Михалыча, а в руках даже не розы – белые лилии.

– Привет!

– Добрый день. – Артем смотрел ей в глаза так, что она невольно потупилась. – Вам очень идет краснеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.